

Научная статья

УДК 821. 162.1

DOI 10.17223/18137083/83/9

**Гуманистические тенденции
художественно-эстетической системы З. Н. Гиппиус
в Петербургских дневниках 1914–1919 годов**

Лилия Михайловна Шумская¹

Елена Ивановна Билютенко²

Ирина Константиновна Комарова³

^{1,2} Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Гродно, Беларусь

³ Гродненский филиал «БИП – Университет права
и социально-информационных технологий»
Гродно, Беларусь

¹ akay2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9626-9538>

² elenabilutenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2036-5168>

³ kom-ik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9760-1288>

Аннотация

Петербургские дневники З. Н. Гиппиус («Синяя книга», «Черные тетради», «Черная книжка», «Серый блокнот») фиксируют позицию автора по отношению к происходящим событиям, связанным с историческими потрясениями в России начала XX в. В условиях пересмотра привычного уклада жизни, поиска новых представлений о свободе личности и ее выборе в эпоху исторических катаклизмов писательница утверждает принципы новой духовности, позволяющей не только противостоять великим потрясениям эпохи, но и достигать истинной свободы, обретаемой в Боге как гаранте гармоничного развития личности.

Установлено, что решение этой проблемы в дневниках писательницы связано с осмыслением судьбы России во время Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций 1917 г., а также с поиском новых гуманистических идеалов. З. Н. Гиппиус осуждает разрушительное начало революции, ведущее к утрате нравственных идеалов, и призывает современников создать «совершенный синтез» личного и общественного через утверждение необходимости сохранения святынь и истинной свободы, обретенной в Боге.

Ключевые слова:

З. Н. Гиппиус, литературный дневник, Богопознание, судьба России, революция, интеллигенция, свобода, художественное сознание

Для цитирования

Шумская Л. М., Билютенко Е. И., Комарова И. К. Гуманистические тенденции художественно-эстетической системы З. Н. Гиппиус в Петербургских дневниках 1914–1919 годов // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 112–123. DOI 10.17223/18137083/83/9

© Шумская Л. М., Билютенко Е. И., Комарова И. К., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 112–123

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 112–123

Humanistic tendencies in the artistic and aesthetic system of Z. N. Gippius in her Petersburg Diaries of 1914–1919

Lilya M. Shumskaya¹, Elena I. Biliutenka², Iryna K. Komarova³

^{1,2} Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Belarus

³ BIP-University of Law and Socio-informational Technologies, Grodno Branch
Grodno, Belarus

¹ akay2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9626-9538>

² elenabilutenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2036-5168>

³ kom-ik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9760-1288>

Abstract

The Petersburg diaries (“Blue Book,” “Black Notebooks,” “Black Book,” and “Gray Note-pad”) document the attitude of Z. N. Gippius to the events related to the historical upheavals in Russia in the early 20th century. Searching for new ideas about personal freedom and choice in the epoch of historical cataclysms, the writer asserts the principles of new spirituality allowing one withstand the great upheavals of the era and achieve true freedom, found in God as a guarantor of the harmonious personality development. This study has established that the writer solves the problems suggested in the diaries by comprehending the fate of Russia during the First World War and the February and October revolutions of 1917 and searching for new humanistic ideals. She condemns the destructive nature of the revolution that causes the loss of moral ideals. Of particular relevance to the writer is the assertion of a specific, effective and practical humanism that takes into account the moral component of human life, approves the moral way of life, and combines practical actions with a focus on the individual as the ultimate goal. For Gippius, the ideal is embodied in the Russian intelligentsia with humanistic ability to sympathy, compassion, sacrifice, and sanctity and potential to withstand the political cataclysms of Russia. The aesthetic findings of Gippius in her Petersburg diaries embrace the inclusion of various associative chains into the forms of auto-documentary literature, enrichment of particular historical images with universal symbols, and synthesis of lyrical self-expression and an epic worldview.

Keywords

Z. N. Gippius, literary diary, knowledge of God, the fate of Russia, revolution, intelligentsia, freedom, artistic consciousness

For citation

Shumskaya L. M., Bilyutenko E. I., Komarova I. K. Humanistic tendencies in the artistic and aesthetic system of Z. N. Gippius in her Petersburg Diaries of 1914–1919. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 112–123. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/9

Социально-исторические изменения, происходящие в начале XX в., приводят к глубокой трансформации философско-эстетического сознания и образного мышления. В этих условиях представители религиозно-философского Ренессанса стремятся осмыслить тот факт, что личность в истории выполняет роль со-творчества Богу, а Вселенную пытаются представить пребывающей в состоянии постепенного одухотворения, преображения, творения новой природы социального субъекта, который включен в целое замысла Божия.

В художественном сознании эпохи начинает доминировать субъективное, личностное начало, что не способствует развитию эпических жанров. Большую популярность приобретают различные формы автодокументальной литературы.

Особое место принадлежит дневнику, который, как замечает Н. А. Богомолов, становится свидетельством соответствия духовного пути человека некоему предначертанному идеалу, изменяющемуся в процессе жизни [Богомолов, 1999, с. 204]. В нем отражается ежедневное самопознание, осмысление связи опыта личной судьбы с опытом и судьбой мира. Происходит превращение дневника в самостоятельный жанр литературы, который остается при этом и непосредственно документом эпохи. Героем подобного произведения оказывается сам автор с его оригинальным мировосприятием. Ведущим мотивом дневника становится борьба за пространство духовно-мировоззренческой свободы, стремление уйти от всех предписаний, последовательности, закономерности. В центре внимания писателя находится личность в ее сложных взаимоотношениях с обществом, главными становятся вопросы свободы и выбора во времена исторических испытаний. Глубину корреляции идей религиозной философии в условиях противостояния личного и общественного в России начала XX в. иллюстрирует художественно-эстетическая система З. Н. Гиппиус, которая с наибольшей полнотой воплотилась в ее Петербургских дневниках 1914–1919 гг.

О своеобразии эстетического мышления Гиппиус пишут современные литературоведы, которые возводят художественное мышление писательницы главным образом к символистской эстетике [Полонский, 2011, с. 231]. Так, Е. М. Криволапова в монографии, посвященной исследованию художественного мироздания Гиппиус, отмечает, что неотъемлемым атрибутом ее индивидуальной творческой манеры являются как «внешние и внутренние антиномии, так и ее религиозно-философские построения» [Криволапова, 2006, с. 21]. Исследуя художественное сознание писательницы, Л. А. Колобаева также подчеркивает его амбивалентность: «Тайна, чудо, желание соприкоснуться с недоступным, загадочным, невидимым, закрытым для разума миром <...>, с одной стороны, и трезвая сила, ясность, рационалистическая прозрачность – с другой» [Колобаева, 2000, с. 19]. Принципы художественно-эстетической системы Гиппиус нашли отражение и в ее Петербургских дневниках.

Большинство исследований дневниковой прозы посвящено не только Гиппиус. А. Н. Руцкой обращается к творчеству И. А. Бунина, в фокусе внимания Л. М. Пивоваровой – дневниковое наследие А. С. Суворина. Собственно поэтика жанра дневников писательницы исследовалась в работах А. М. Новожиловой, К. Д. Гордович, И. А. Едошиной.

В свете вышесказанного представляется научно значимым более глубокое исследование Петербургских дневников писательницы («Синей книги», «Черной тетради», «Черной книжки», «Серого блокнота»), написанных в 1914–1919 гг., поскольку именно в них З. Н. Гиппиус наиболее полно выразила свои взгляды на роль творческой личности в судьбе Родины в период исторических потрясений. Именно форма дневника позволяет ей как автору выразить и личное, и общественное отношение к происходящим событиям, воспроизвести сюжеты драматической картины жизни, проникая одновременно в глубинные слои культуры и человеческой души.

Гиппиус пытается решить проблему противостояния личности и общества в период социальных катаклизмов уже с самого начала творчества, когда пишет о сущности этого конфликта «в виде постоянного присутствия Трех начал, неразделимых и неслиянных, всегда трех – и всегда составляющих Одно»¹ [Гиппиус,

¹ Здесь и далее сохраняется орфография, пунктуация и графика оригинала дневников.

2000, с. 175]. Личное и общественное находятся в постоянном противоречии. Уйти от этой антиномии, по ее мнению, можно только путем утверждения себя и всех в третьем высшем соединяющем начале – «Боге». О трех началах, где «1 означает личность («я»), 2 – любовь к другому «я», 3 – множественность», Гиппиус пишет также в воспоминаниях о Д. С. Мережковском [Гиппиус, 1991а, с. 246].

Отсюда одна из ключевых проблем, волнующих писательницу во время создания Петербургских дневников, – судьба интеллигенции в период Первой мировой войны и двух революций. Гиппиус открыто выступает против Ф. К. Сологуба, А. И. Куприна, Л. Н. Андреева, приветствующих будущую победу России в войне. В докладе на заседании Религиозно-философского общества в 1914 г. она называет эту войну осквернением человечества, а в Петербургских дневниках – препятствием в движении к Царству «Третьего Завета»: «<...> всякая война, кончающаяся полной победой одного государства над другим, носит в себе зародыш новой войны <...>, отдаляет нас от того, к чему мы идем, от “вселенскости” <...>, нет истории, нет движения, нет свободы, нет Бога» [Гиппиус, 1982, с. 101].

Писательница приходит к выводу об очень высоком статусе художника как творческой личности в условиях, когда ломаются прежний уклад жизни и традиционная система духовных ценностей. По ее мнению, творческие люди, старательно ищущие выход, – это «совесть и разум России», «единственное слово и голос России» [Там же, с. 3]. Такое понимание статуса творческой личности коррелирует с мнением Н. А. Бердяева, который видит предназначение национальной интеллигенции в приверженности и творческом развитии «русской идеи, соответствующей характеру и призванию русского народа <...>, религиозного по своему типу и своей душевной структуре» [Бердяев, 2008, с. 266].

К 1917 г. появляется предчувствие будущей катастрофы, а уже в марте тревога и беспокойство сменяются взрывом восторга. В это время спасение видится только в революции. З. Н. Гиппиус вместе с Д. С. Мережковским, Д. В. Filosoфовым, А. Ф. Керенским и Б. В. Савинковым обсуждает политические, религиозные, социальные и философские проблемы, без постижения которых невозможна эстетически значимая оценка исторического прошлого и настоящего, рассуждает об идеале человека, творящего историю, преодолевающего испытание революционной эпохи в своем движении к созданию идеального общества будущего. Эти рассуждения лежат в основе написанного ею манифеста Временного правительства, а Февральскую революцию в Петербургских дневниках она воспринимает как очищение, свободу, «чудо», «светлую, первую влюбленность», которая позволит по-настоящему покончить с войной [Гиппиус, 1982, с. 4]. От этой революции писательница ждет пробуждения творческих революционных сил интеллигенции, способных слить воедино созидательное и разрушительное начала. Первое является средоточием всех упований революции, второе же – чем-то «гибло-ужасным» и «бесплодным». Преобразование их в «творческую революционную Россию» позволит установить мир свободы, любви, равенства [Там же, с. 7].

Мечтают о демократии, обновлении, развитии России и другие представители творческой интеллигенции. С. П. Каблуков в первой половине марта удовлетворенно констатирует: «Должно признать, что революция прошла без особых жертв и кровопролития и без особых эксцессов»². А. А. Блок, под напором событий Февральской революции возвратившийся к своему дневнику после трехлетнего

² РО РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 43. Л. 227–230.

молчания, за два месяца до Октября «решительно» видит «будущее во Временном правительстве» [Блок, 1989, с. 252].

Но к августу главным мотивом дневников писателей становится крушение всех надежд, связанных с Февральской революцией и Временным правительством. Гиппиус приходит к выводу, что революция вырождается из-за политических ошибок ее лидеров. В начале октября она уже предвидит новое революционное потрясение: «Готовится “социальный переворот”, самый темный и грязный, какой только будет в истории. И ждать его нужно с часу на час» [Гиппиус, 1982, с. 266]. О своем полном разочаровании и антигуманном характере происходящего пишет в сентябре и Блок: «Давно нет желания записывать. Все разлагается... Просветов нет. Наступает голод и холод. Война не кончается, но ходят многие слухи, личная жизнь превратилась в одно унижение» [Блок, 1989, с. 254]. Каблуков в это же время с болью констатирует, что «пять месяцев революции без Бога и любви» превратили его любимый прекрасный город в грязный, загаженный «Чертоград»³.

Отношение к Октябрю 1917 г. неоднородно. Большинство представителей творческой интеллигенции видит в Февральской революции единственно возможный выход из кризиса, зато Октябрьская становится для них Апокалипсисом. Для Гиппиус Октябрь 1917 г. – зримое пришествие «Царства Антихриста», которое привело Россию к абсолютной утрате нравственных ориентиров, уничтожению культуры, способной противопоставить тоталитарному подавлению личности истинную свободу, обретенную в Боге [Гиппиус, 1982, с. 77]. Необходимое религиозное преобразование мира она рассматривает как продолжение художественного творчества, в основе которого – любовь, равенство, свобода, считая ответственность за свои взгляды и поступки, совесть, честь, достоинство основными атрибутами творческой личности.

За Октябрьской революцией, по мнению писательницы, наступает кризис: «Противные, черные, страшные и стыдные дни!», «Бежать некуда. Родины нет» [Там же, с. 273]. А Каблуков в конце 1917 г. использует в дневнике вырезку из газеты, где революционная Россия сравнивается с «Бесами» Достоевского, «со всей обнаженностью страстей, подлости, неверия, лжи и преступлений», подтверждая свой вывод о том, что «десять месяцев русской революции» погубили Россию при участии русской интеллигенции⁴.

Для И. А. Бунина Октябрьская революция – это «сумасшедший дом в аду», где царят «ужас, боль, бессильная ярость», «озверение» [Бунин, 1990, с. 111], «оргии смерти» и «дьявольского мрака» [Бунин, 1991, с. 70]. Происходящее в Советской России писатель воспринимает как апокалиптический «конец времен» – экспансию времени чужеродного прежней устойчивой культуре [Там же, с. 156]. При этом он видит будущую Россию страной, способной оставаться верной своему высшему Божественному предназначению. Такая позиция приводит его к закономерно стремлению утвердить значимость вековых традиций, питающих русскую духовность: «Я смотрел на удивительное зеленое небо над Кремлем, на старое золото его древних куполов... Великие князья, терема, Спас-на-Бору, Архангельский собор – до чего все родное, кровное, и только теперь как следует прочувствованное, понятное!» [Там же, с. 34].

³ РО РНБ. Ф. 322, Ед. хр. 47. Л. 77.

⁴ Там же. Ед. хр. 50. Л. 110.

В то же время Блок, уставший от ненависти к прежнему «страшному миру», принимает Октябрьскую революцию и призывает всем сердцем слушать ее музыку. На настойчивое предложение участвовать в антибольшевистской газете «Час», издание которой затевается Б. В. Савинковым при активной поддержке Мережковских еще до Октября, он отвечает отказом [Блок, 1989, с. 255].

В результате осмысления революционных событий Октября 1917 г. формируется система взглядов Гиппиус, не позволяющая ей простить ту часть интеллигенции, которая приняла революцию и определила суть своей жизни целесообразностью, необходимость подстраиваться под изменившиеся условия и социальную систему (неприятие позиции А. Блока, А. Белого, С. Есенина и др.).

Таким образом, Петербургские дневники Гиппиус создаются в атмосфере противостояния личности и общества, выбора индивидуумом своей политической и гражданской позиции. Идеинная направленность определяет своеобразие эстетики этих дневников как художественного целого, являющегося соединением лирического выражения собственного Я с эпическим восприятием мира, которое проявляется в последовательном развитии действия, исторической значимости содержания, обобщенности охвата действительности, участником которых является автор. Гиппиус повествует о революции, последствия которой непредсказуемы: «С каждым днем неоспоримее: “НЕ РЕВОЛЮЦИЯ У НАС, А ТА ЖЕ ВОЙНА! <...> Спешите, спешите с миром, Европа! Еще год войны, содрогнутся и твои здоровые народы, приблизятся к тому же безумному вихревому ПРОДОЛЖЕНИЮ ВОЙНЫ ПОД МАСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ”» [Гиппиус, 1991а, с. 66].

Не менее значимо и лирическое повествование (размышления, ассоциации, обращения к прошлому, переживания трагического настоящего), которому в Петербургских дневниках отводится важнейшее место. Автор рассуждает обо всем от собственного имени, но эти высказывания о жизни не являются окончательными решениями или утверждениями неоспоримых истин: «Теперь, когда живы еще многие свидетели тех же событий, – даже участники, – они всегда могут, с указанием на то или иное искажение действительности, содействовать восстановлению его подлинного образа» [Гиппиус, 1982, с. 380]. Она делится с читателем своими рассуждениями о судьбе России и интеллигенции. Таким образом, Петербургские дневники становятся воплощением «эпической лирики». Об этом свидетельствует сочетание мотивного эпического ряда (война, революция, безумие, Россия) и основных мотивов лирического плана (ложь, борьба, страдание): «Ощущение лжи вокруг – ощущение чисто физическое. Как будто с дыханием в рот вливается какая-то холодная и липкая струя», – пишет Гиппиус в «Черной книжке» [Там же, с. 30].

Писательница не только размышляет о революции, ответственности личности за судьбу России, но и обосновывает свое отношение к истинному герою в эпоху социальных потрясений. Гиппиус пишет, что хотела запечатлеть не только социальные катаклизмы, произошедшие в России, но и «каждого человека, его образ, личность, роль в той громадной трагедии» [Там же, с. 7]. Герои Петербургских дневников – русские интеллигенты, необходимые писательнице для реализации своей концепции. Для Гиппиус важно изобразить способность героя противостоять политическим катаклизмам России военного и революционного времен, жить в новом обществе. При этом она стремится и показать саму личность, ее исторический масштаб, и выразить свое отношение к герою.

Отсюда берет начало своеобразие портретных характеристик (умение отобразить основную деталь в портрете, выделить главную черту характера, подчеркнуть

профессиональные качества). Анализируя поступки персонажей и их деятельность, писательница объясняет их непосредственные реакции, достигая тем самым портретной целостности образа: «Дмитрий, конечно, сел на своего “грядущего” Ленина, принялся им Керенского во всю пугать, говорит, что и Керенский от Ленина тоже в панике, бегал по кабинету, хватался за виски: “нет, нет, мне придется уйти”» [Гиппиус, 1982, с. 199].

Любопытна динамика оценок этих героев на страницах дневника. Сначала Гиппиус поддерживает Керенского, с его лидерством в революционном правительстве связывает большие надежды. Но в апреле 1917 г. возвращается в Петроград Савинков. Писательница хорошо знает его («сильный, сжатый, властный индивидуалист», «личник», грешит «аристократизмом», но до сих пор был только «разрушителем») [Там же, с. 201]. Она поддерживает Савинкова в масштабной и амбициозной политической игре, связанной с противостоянием Корнилова и Керенского, и видит в нем реального претендента на полноту диктаторской власти в стране.

Под влиянием Савинкова Гиппиус еще больше отдаляется от Керенского. Целостный образ героя начинает распадаться, теперь ему оказываются свойственны замкнутость сознания на себе самом, излишняя рациональность, оторванность от жизни и действия, неспособность к истинному творчеству, и это отражается на страницах дневника: «Началась “вольница”, дезертирство. Керенский <...> должен создать систему <...>, а он не сможет, остановится, испугается» [Там же, с. 43].

Постепенно он превращается для Гиппиус в символ наступающей катастрофы, «ходячий абсурд», у которого «все <...> туманно, болезненно и <...> преступно» [Там же, с. 185].

В галерее политиков и государственных деятелей революционной эпохи особо выделяется личность Корнилова. Писательнице оказываются близки его прямолинейность и конкретность. Она вводит в текст дневника строки из стихотворения «На поле чести»: *Открой, Господь, поля озаренные / Душе убитого на поле чести*, которые звучат как торжественный гимн Корнилову, готовому к самой большой жертве в борьбе с большевизмом, воплощающим метафизическое зло [Гиппиус, 1991б, с. 54]. Такой прием служит мифологизации генерала Корнилова, имя которого у Гиппиус обретает святость и бессмертие, становится прорывом в вечность. Ее восхищает жертвенность русского героя, ставшего символом России, преобразованной под знаком Царства «Третьего Завета».

Значимость и стремительная динамика событий, зафиксированных автором дневника, обусловили расширение пространственно-временного аспекта, локальный и континуальный типы времени [Егоров, 2003, с. 59]. Позиция автора, которая проявляется в отборе материала и его оценке, позволяет говорить также о психологическом хронотопе. Основные события локализованы главным образом в охваченном революцией Петрограде: «Нынче мимо нас шла двухверстная толпа с пением и флагом – “да здравствует совет рабочих депутатов”» [Гиппиус, 1982, с. 178]. Но постепенно Гиппиус начинает писать о фактах, не связанных локально непосредственно с Петроградом, что позволяет автору расширить повествовательное пространство: «В Кронштадте и Гельсингфорсе убито до 200 офицеров <...>. Балтийский флот, как боевая единица, не существует. <...> Поехали депутаты. Когда они выходили с вокзала, а Непенин шел к ним навстречу, ему всадили в спину нож» [Там же, с. 180].

Локальный хронотоп отображает исторически достоверное время. В границах локального пространства дневника изображены в точном времени события, свидетелем которых был сам автор, что говорит о фактической достоверности дневникового материала. Действительное время представлено описаниями тягот петербургской жизни, которые, по мнению писательницы, сводятся к заботе «о хлебе насущном».

Континуальность пространства, предполагающая определенную субъективность в отборе фактического материала и мифологизацию действительности, связана с событиями революции, свидетелем которых сам автор не является: он узнает о них из газет, от знакомых, по слухам. Так, Корниловский мятеж Гиппиус представляет как «загадочную картину»: «Утопая в куче противоречивых фактов <...>, я пытаюсь слепить из кусочков образ того, что произошло на самом деле» [Гиппиус, 1982, с. 237]. Постоянные слухи она называет «легендами», что еще раз указывает на мифологичность времени. При этом писательница подчеркивает функциональность слухов для революционного времени: «Я веду эту запись <...> для усиленной передачи атмосферы, в которой живу» [Там же, с. 279].

Художественное своеобразие повествования Петербургских дневников проявляется также в использовании автором различных типов наррации, которые организованы по принципу иерархии. Как замечает Н. А. Кожевникова, при такой организации «разные типы повествования отличаются друг от друга степенью своей самостоятельности и конструктивной значимости в произведении: одни из них, сколь бы малое место ни занимали, организуют текст в целом, другие закрепляются за его фрагментами. Таким образом, разные типы повествования оказываются явлениями разных уровней, стоящими на разных ступенях внутренней иерархии произведения» [Кожевникова, 1994, с. 3]. В дневниках Гиппиус происходит постоянное столкновение различных точек зрения, свободный переход от настоящего времени к прошедшему, попытки предугадать будущее. Это придает повествованию смысловую вариативность: «Правительство о войне <...> молчит. А Миллюков на днях заявил <...>, что России нужны проливы и Константинополь. “Правдисты”, естественно, взбесились. Я ни секунды не останавливаюсь на том, нужны ли эти чертовы проливы нам. Роковое непонимание момента <...>» [Гиппиус, 1982, с. 198].

Созданию ассоциативных цепочек служат, как правило, эпитеты и метафоры: «Порою кажется, что история идет с быстротой обезумевшего аэроплана», «Россия – большой сумасшедший дом», «На улицах – гробовое молчание», «Мы в бесповоротном мешке». Ассоциативные цепочки возникают также на основе художественной детали. Организуя композицию, интерьерная или пейзажная деталь, дополненная рядом эпитетов, становится частью исторического, культурного фона: «<...> стоял не на кафедре, а за длинным зеленым столом. Кафедра была за нашими спинами, а за кафедрой, на стене, висел <...> портрет Николая II» [Там же, с. 141]. Подчас деталь нужна автору дневника как элемент характеристики персонажа. Подобными характеристиками автор концентрирует внимание на идее дневника и придает образу символическое значение. Так, для Гиппиус фигура Протопопова, которого она называет «министром-шалунишкой», становится символом наступающей катастрофы.

Изображение в дневниках Гиппиус исторических событий, связанных с войной и революцией, дополняют пейзажные зарисовки. Описания состояния природы коррелируют по настроению с ощущением неотвратимости исторической катастрофы: «Летом дни катились один за другим, кругло щелкая, словно черепа.

Катились, катились – вдруг сморщились, точно молоденькие яблочки <...>. Неужели <...> уже нет спасения?» [Гиппиус, 1982, с. 70].

Автор дневников мастерски передает ритм времени и придает своему повествованию более широкий контекст, используя пространственную деталь, которая, соединяясь с предметной, объединяет бытовой и культурно-временной контексты [Колядич, 1998, с. 19]. В повествование Петербургских дневников вводятся «общие места», организуемые посредством сходных временных деталей. Например, Гиппиус пишет о «гидре войны» и «гидре революции», сравнивает политиков с «пауками в банке», и одновременно вводит политические реалии, связанные с бытовыми проблемами: «Дров нет ни у кого <...>. В квартирах <...> – от 4 тепла до 2 мороза» [Гиппиус, 1982, с. 63].

Деталь в дневниковой прозе Гиппиус играет важную роль в создании образа, который возникает «при движении от данного единичного к обобщающей мысли <...>» [Гинзбург, 1999, с. 32]. Так, рисуя образ России, писательница характеризует путь, по которому катится Россия-дом: «Россия – очень большой сумасшедший дом. Если сразу войти на какой-нибудь вечер безумцев – вы, не зная, не поймете этого. А они все безумцы» [Гиппиус, 1982, с. 139]. Предметные детали («дом», «путь») становятся символами, передающими состояние катастрофичности происходящего в России: «Бедная Россия! Да опомнись же! Бедная земля моя, очнись!» [Там же, с. 140]. Призывы «опомнись» и «начать путь» воспринимаются как обращение к интеллигенции.

Все вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы:

- Петербургские дневники Гиппиус 1914–1919 г. – документ эпохи, отражающий судьбу России в период исторических потрясений. Дневники являются также манифестом писательницы, которая осуждает разрушительное начало революции, ведущее к утрате нравственных идеалов, и призывает современников создать «совершенный синтез» личного и общественного через утверждение необходимости сохранения святынь и истинной свободы, обретенной в Боге;
- в Петербургских дневниках находит выражение поиск идеала, который преобразует деструктивное и созидательное начала революции в «творческую революционную Россию», способную сделать ее свободной. Воплощением этого идеала для писательницы является русская интеллигенция с ее открытостью сознания, готовностью к действию, способностью к истинному творчеству, святостью, умением противостоять историческим потрясениям, произошедшим в России, уничтожающим всех и всяческих кумиров, несущим духовную пустоту;
- в процессе осмысления происходящих в России событий особое значение для Гиппиус приобретает конкретный, действенно-практический гуманизм, который признаёт многомерность человека; учитывает нравственную составляющую человеческой жизни как при определении целей, так и при выборе способов и путей их достижения; сочетает практические социальные действия с ориентацией на человека как на конечную цель;
- эстетическими находками З. Н. Гиппиус в Петербургских дневниках являются включение в формы автодокументальной литературы различных типов наррации, организованных по принципу иерархии; разного рода хронотопов (локального, континуального, психологического); разнообразных ассоциативных цепочек; обогащение конкретно-исторических образов универсальными символами; синтез лирического выражения собственного Я с эпическим восприятием мира, что позволяет переосмыслить сложные взаимоотношения личности с обществом.

Список литературы

- Бердяев Н. А.* Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 318 с.
- Блок А. А.* Дневник. М.: Сов. Россия, 1989. 512 с.
- Богомолов Н. А.* Дневники в русской культуре XX века // Русская литература первой трети XX века: портреты, проблемы, разыскания. Томск: Водолей, 1999. С. 201–212.
- Бунин И. А.* Дневники. 1881–1953 // Бунин И. А. Лишь слову жизнь дана... М.: Сов. Россия, 1990. 365 с.
- Бунин И. А.* Окаянные дни. Дневники. Рассказы. М.: Молодая гвардия, 1991. 335 с.
- Гинзбург Л. Я.* О психологической прозе. М.: Intrada, 1999. 415 с.
- Гиппиус З. Н.* Петербургские дневники (1914–1919). Нью-Йорк: Орфей, 1982. 296 с.
- Гиппиус З. Н.* Живые лица. Воспоминания: В 2 т. Тбилиси: Мерани, 1991а. Т. 2. 384 с.
- Гиппиус З. Н.* Черные тетради // Звенья: Исторический альманах / Отв. ред. Н. Г. Охотина. М.: Прогресс, 1991б. С. 20–173.
- Гиппиус З. Н.* Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910): В 2 кн. / Под ред. С. А. Венгерова. М.: XXI век – Согласие, 2000. Кн. 1. С. 171–175.
- Егоров О. Г.* Русский литературный дневник XIX века: история и теория жанра. М.: Флинта; Наука, 2003. 280 с.
- Кожевникова Н. А.* Типы повествования в русской литературе XIX–XX веков. М.: ИРЯ, 1994. 333 с.
- Колобаева Л. А.* Русский символизм. М.: Изд-во МГУ, 2000. 296 с.
- Колядич Т. М.* Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра. М.: Мегатрон, 1998. 278 с.
- Криволапова Е. М.* «Преодолеть без утешенья»: Зинаида Гиппиус и ее время. Орёл: Орлик, 2006. 241 с.
- Полонский В. В.* Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 472 с.

Список источников

- Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ). Ф. 322. Ед. хр. 43, 47, 50.

References

- Berdyayev N. A. *Russkaya ideya* [Russian idea]. St. Petersburg, Azbuka-klassika, 2008, 318 p.
- Bogomolov N. A. *Dnevniki v russkoy kul'ture 20 veka* [Diaries in Russian culture of the XX century]. In: *Russkaya literatura pervoy treti 20 veka: portrety, problemy, razyskaniya* [Russian literature of the first third of the 20 century: portraits, problems, research]. Tomsk, Vodoley, 1999, pp. 201–212.
- Bunin I. A. *Dnevniki. 1881–1953* [Diaries]. In: Bunin I. A. *Lish' slovu zhizn' dana...* [Only a word life is given...]. Moscow, Sov. Rossiya, 1990, 365 p.

- Bunin I. A. *Okayannye dni. Dnevnik. Rasskazy* [Cursed days. Diaries. Stories]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1991, 335 p.
- Egorov O. G. *Russkiy literaturnyy dnevnik 19 veka: istoriya i teoriya zhanra* [Russian literary diary of the 19th century: the history and the theory of the genre]. Moscow, Flinta, Nauka, 2003, 280 p.
- Gippius Z. N. *Avtobiograficheskaya zametka* [Autobiographical note]. In: *Russkaya literatura 20 veka (1890–1910): V 2 kn.* [Russian literature of the 20 century (1890–1910): in 2 bks.]. S. A. Vengerov (Ed.). Moscow, XXI vek – Soglasie, 2000, bk. 1, pp. 171–175.
- Gippius Z. N. *Chernye tetrady* [Black notebooks]. In: *Zven'ya: Istoricheskiy al'manakh* [Links: historical almanac]. N. G. Okhotina (Ed. in Ch.). Moscow, Progress, 1991b, pp. 20–173.
- Ginzburg L.Ya. *O psikhologicheskoi proze* [About psychological prose]. Moscow, Intrada, 1999, 415 p.
- Gippius Z. N. *Peterburgskie dnevniky (1914–1919)* [Petersburg diaries (1914–1919)]. New York, Orfey, 1982, 296 p.
- Gippius Z. N. *Zhivye litsa. Vospominaniya: V 2 t.* [Alive faces. Memories: In 2 vols.]. Tbilisi, Merani, 1991a, vol. 2, 384 p.
- Kolobaeva L. A. *Russkii simvolizm* [Russian symbolism]. Moscow, MSU Publ., 2000, 296 p.
- Kolyadich T. M. *Vospominaniya pisateley: problemy poetiki zhanra* [Memoirs of writers: problems of the poetics of the genre]. Moscow, Me-gatron, 1998, 278 p.
- Kozhevnikova N. A. *Tipy povestvovaniya v russkoy literature 19–20 vekov* [Types of narration in Russian literature of the 19th–20th centuries]. Moscow, IRYa, 1994, 333 p.
- Krivolapova E. M. *“Preodolet' bez utshen'ia”: Zinaida Gippius i ee vremia* [Overcome without consolation: Zinaida Gippius and her time]. Orel, Orlik, 2006, 241 p.
- Polonskiy V. V. *Mezhdu traditsiy i modernizmom. Russkaya literatura rubezha 19–20 vekov: istoriya, poetika, kontekst* [Between tradition and modernism. Russian literature at the turn of the 19th–20th centuries: history, poetics, context]. Moscow, IMLI RAN, 2011, 472 p.

List of sources

Rukopisnyy otdel Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (RO RNB) [Manuscript Department of the Russian National Library], coll. 322, items 43, 47, 50.

Информация об авторах

- Лилия Михайловна Шумская*, кандидат филологических наук, доцент кафедры современных технологий доуниверситетского образования Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь)
- Елена Ивановна Блютенко*, кандидат филологических наук, доцент кафедры современных технологий доуниверситетского образования Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь)
- Ирина Константиновна Комарова*, кандидат философских наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и лингвистических дисциплин Гродненско-

го филиала Учреждения образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий» (Гродно, Беларусь)

Information about the authors

Lilya M. Shumskaya, PhD (Philology), Associate Professor of the department of modern technologies of pre-university education, Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)

Elena I. Biliutenka, PhD (Philology), Associate Professor of the department of modern technologies of pre-university education, Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)

Iryna K. Komarova, PhD (Philosophy), Head of the department of social, humanitarian and linguistic disciplines, BIP-University of Law and Socio-informational Technologies, Grodno Branch (Grodno, Belarus)

*Статья поступила в редакцию 19.10.2021;
одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 01.02.2022
The article was submitted on 19.10.2021;
approved after reviewing on 01.02.2022; accepted for publication on 01.02.2022*